

УДК 81'23
DOI 10.17223/18137083/64/23

И. В. Шапошникова

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

**Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию
российских студентов
(по материалам массовых ассоциативных экспериментов)**

На основе синхронно-диахронного подхода предлагаются и обосновываются конкретные приемы анализа экспериментально полученных ассоциативно-вербальных данных в рамках комплексной задачи построения динамической ассоциативно-вербальной модели акцентуаций русской языковой личности. Такая постановка задачи стала возможной в результате накопления достаточно большого и репрезентативного ассоциативно-вербального материала в течение нескольких десятилетий прошлого и начала нового века. Автор оперирует приемами анализа на уровне ассоциативных полей отдельных вербальных единиц, то есть на микроуровне структурной организации ассоциативно-вербальной сети; формирует понятийно-категориальный аппарат, необходимый для реализации этих приемов в целях выявления закономерных смысловых акцентуаций. Последние могут интерпретироваться как векторы мотивационно-прагматических доминант на фоне статистической компьютерной обработки больших массивов ассоциативно-вербальных данных (макроуровень). Научно-методические вопросы рассматриваются на материале актуальной для российского общества гуманитарной проблемы динамических процессов идентификации молодых россиян в пределах трех поколений. В частности, выявляются психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентичность при сравнении ассоциативных полей «советский», «русский», «российский». Исследуются смысловые акцентуации, свидетельствующие о направленности связанных с этими вербальными единицами смысловых доминант русской языковой личности в хронологически сменяющиеся друг друга периоды. Полученные данные поддаются интерпретации в аспекте взаимодействия факторов этнизации социально-языковых процессов с особенностями формирования гражданской и цивилизационной идентичности россиян. Результаты авторских наблюдений сходятся с данными, полученными другими междисциплинарными (этносоциологическими, этнополитическими и пр.) исследованиями на другом эмпирическом материале.

Ключевые слова: психоглоссы, ассоциативно-вербальная сеть, приемы и методы анализа экспериментальных данных, динамическая модель, синхронно-диахронный анализ, ак-

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; i.shaposhnickowa@yandex.ru); профессор кафедры межкультурной коммуникации, профессор кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 3
© И. В. Шапошникова, 2018

центуации русской языковой личности, цивилизационная идентичность и этнизация социально-языковых процессов.

В российской философской традиции осмысление сути прошедших в мире на рубеже веков глобальных трансформаций, которые затронули самые разные аспекты жизни человека в различных его цивилизационных воплощениях, выявило идентичность как особо чувствительную сферу концентрации базовых противоречий в жизни современного человека. Между тем «идентичность есть важнейший из механизмов обратной связи, благодаря которой инновационные группы возвращают свой приобретенный интеллектуальный капитал обществу и способствуют развитию той национальной среды, которая их изначально вырастила» [Панарин, 2014, с. 1100–1101]. Люди, вкладывающие свою идентичность в свою деятельность, становятся, таким образом, производительной силой вскормившего их общества. Осознание значимости этого фактора ставит гуманитариев перед необходимостью не только актуализации идентичности в качестве объекта исследования, но и выработки способов защиты социокультурной идентичности, гражданской сплоченности и этики коллективного служения. В масштабах страны-цивилизации, каковой является Россия, невозможно адекватно поставить задачи для науки и образования (а в гуманитарной сфере прежде всего), если нет общецивилизационных перспектив. Последние могут осознаваться или не осознаваться в той или иной степени в разные периоды жизни общества.

Попавшая в фокус внимания носителей языка (а потому вербализованная) часть содержания процессов идентификации составляет предмет рассмотрения лингвистическими методами. Между тем лингвистику прошлого века, акцентировавшую внимание на семиотической природе языка, дуальности и произвольности языковых знаков, часто упрекают в деонтологизации, т. е. отрыве ее предмета от реальности, знака от референта, что, в частности, трактуется как упрощенный, неоправданно автономизирующий систему языка подход. Нам представляется, что эти упреки не могут быть справедливыми в отношении всех лингвистических направлений. Более того, в лингвистике прошлого века потенциал развития заложен в подходах, которые, прежде всего, дали о себе знать как междисциплинарные, с самого начала ставившие задачи исследования языковых процессов в их связи с различными факторами человекообразования. Психолингвистика стала одним из таких направлений в России, способным сместить акцент в сторону смысла в качестве междисциплинарного объекта. «Смысл, будучи явлением экстралингвистическим, может иметь различные способы выражения, в том числе и невербальные. В связи с этим можно считать, что область его существования значительно шире языка и потому смысл не равен ему, в то время как естественный язык равен смыслу в том отношении, что всякое выражение языка должно быть осмысленным. ...Смысл, будучи внеязыковым явлением, тем не менее управляет отбором и распределением языковых средств при создании речевого произведения, он же является целью, средством и результатом его понимания» [Новиков, 2007, с. 34–35]. Поиск доступа к смысловой реальности осуществлялся разными психолингвистическими методами и приемами. В данной статье мы сконцентрируемся на инструментари, которым, с нашей точки зрения, располагает современная экспериментальная психолингвистика для измерения и интерпретации смысловых акцентуаций русской языковой личности.

В новаторских для своего времени исследованиях ассоциативно-вербальной сети, получивших новую эмпирику после создания русского ассоциативного словаря-тезауруса в годы перестройки, Ю. Н. Караулов развивает понятийно-категориальный аппарат, который лег в основу его теории языковой личности. Языковая

личность, по замыслу автора, объединяет способности и характеристики человека с особенностями порождаемых им текстов [Караулов, 1989, с. 3]. Она проявляет себя в таких ипостасях, как вербально-семантическая (включая грамматико-парадигматические и семантико-синтаксические отношения), представленная моделью ассоциативной (активной) грамматики русского языка [Караулов, 1999; 2010а], тесно связанные с ней когнитивная и мотивационно-прагматическая [Караулов, 2010б, с. 56]. В качестве обозначений для одной из возможных единиц анализа языковой личности Ю. Н. Караулов предлагает термин «психоглосса», который применим к разным уровням [Караулов, 2010б, с. 157–158]. Так в ходе анализа могут выявляться грамматические психоглоссы, связанные со знанием родного языка. В данной статье нас интересуют когнитивные и мотивационные психоглоссы, которые, как нам думается, отражают динамику смысловых акцентуаций русской языковой личности в идентификационном измерении.

В наших работах термином «психоглосса» описываются смысловые образования, которые выявляются на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей и могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами (акцентуациями) языковой личности, позволяющими судить о целостности или противоречивости (чреватой смыслоутратностью) ее смысловой структуры [Шапошникова, 2017, с. 127]. Условием для выявления таких психоглосс в пределах нескольких сменяющих друг друга поколений становится компьютерная обработка постоянно пополняемых в эксперименте ассоциативно-вербальных баз данных. К настоящему времени в распоряжении психолингвистов имеется несколько источников. В 70-е гг. прошлого века на ограниченном материале двухсот стимулов был получен словарь ассоциативных норм (САНРЯ). Уже упоминавшийся выше ассоциативный тезаурус¹ (РАС) создан в период с 1988 по 1997 г. Новейшие данные были получены в параллельном для азиатской и европейской частях России эксперименте, они сгенерированы в ассоциативные словари СИБАС (2008–2013) и ЕВРАС (2008–2013), полностью сопоставимые по репрезентативности и составу единиц². Поскольку эти три типа источников не только дают три разных временных среза, но и имеют свою специфику по репрезентативности и структуре данных (разное количество испытуемых и объем экспериментальной работы), при проведении сравнительного анализа мы применяли метод, позволяющий опереться на сопоставимые критерии, связанные с набором и удельным весом по отношению друг к другу сходных смысловых зон в структуре рассматриваемых полей. Выявившиеся при этом количественные данные не могут рассматриваться как имманентные свойства наличных смысловых сущностей (тем более «значений» объективирующих их слов). Они фиксируют относительную устойчивость актуализации тех или иных смысловых связей в сознании носителей языка (испытуемых). Предметом диахронного сопоставительного анализа в этом случае становится относительная динамика этих смысловых зон, а также, при необходимости, особенности их наполнения конкретными единицами, отражающими специфический коллективный опыт конкретных периодов в жизни народа.

Рассмотрим процедуру выявления маркирующих цивилизационную идентификацию психоглосс поэтапно.

Первым этапом анализа АП является **общая оценка его наполнения и структуры** (табл. 1). В таблице показано, что в абсолютном количественном выраже-

---

¹ Тезаурусный формат обеспечен трехэтапным массовым экспериментом с постепенным наращиванием ассоциативно-вербальной сети.

² В отличие от трехэтапного РАС, новейшие региональные базы СИБАС и ЕВРАС пока что одноэтапны (каждая из них содержит материалы, полученные на 1 000 стимулов от 500 условных испытуемых, что составляет не менее 5 000 анкет по 100 стимулов в каждой, предъявленных 5 000 студентам в каждом регионе).

нии (общее количество реакций в составе АП) наполняемость АП «русский» претерпевала довольно заметные изменения с 1970-х гг. до настоящего времени (2008–2013). Так, в период перестройки (по данным трехэтапного тезауруса РАС) она уменьшилась более чем в два раза по отношению к САНРЯ, а в новейшее время, наоборот, возросла в 4–5 раз по сравнению с РАС. Можно предположить (даже с учетом погрешностей от условий эксперимента), что в новейших региональных словарях фиксируется резко возросшая на фоне перестроечных времен актуализация этнически окрашенных смыслов.

Таблица 1

Общая структура и наполнение
ассоциативных полей (АП) «русский», «советский» и «российский»
в САНРЯ (1970-е гг.), РАС (1988–1997), СИБАС (2008–2013) и ЕВРАС (2008–2013)
General structure and content
of the associative fields «русский», «советский» and «российский»
in SANRYA (1970's), RAS (1988–1997), SIBAS (2008–2013), EVRAS (2008–2013)

АП «русский»				
Наполнение АП	САНРЯ	← РАС → ³	СИБАС →	← ЕВРАС
Общее количество реакций ⁴	232	113	499	541
Разные	72 (31 %)	51 (45 %)	135 (27 %)	116 (21,4 %)
Единичные	43 (18,5 %)	41 (36,3 %)	102 (20,4 %)	85 (15,7 %)
Устойчивые	189 (81,46 %)	68 (60 %)	397 (79,5 %)	455 (84 %)
Отказы	0	4	0	1
АП «советский»				
Наполнение АП	САНРЯ →	РАС	← СИБАС →	ЕВРАС
Общее количество реакций	226	652	501	541
Разные	73 (32,3 %)	164 (25 %)	166 (33 %)	149 (27,5 %)
Единичные	48 (21,2 %)	123 (18,86 %)	121 (24,15 %)	104 (19,2 %)
Устойчивые	178 (78,7 %)	527 (80,8 %)	376 (75 %)	429 (79,3 %)
Отказы	0	2	4	8
АП «российский»				
Наполнение АП	САНРЯ	РАС →	СИБАС →	ЕВРАС
Общее количество реакций	Нет данных	103	501	542
Разные		41 (39,8 %)	142 (28,3 %)	132 (24,35 %)
Единичные		29 (28,15 %)	101 (20,15 %)	80 (14,76 %)
Устойчивые		71 (68,9 %)	393 (78,4 %)	456 (84 %)
Отказы		3	7	6

³ Стрелки указывают на увеличение или снижение общей наполняемости АП в абсолютном количественном выражении.

⁴ Общее количество устойчивых реакций подается в таблице за вычетом отказов.

Чтобы приступить к следующему этапу анализа, необходимо разграничить **два типа разработки смыслов в структуре АП: интенсивный и экстенсивный**. Первый подразумевает актуализацию смысла за счет частоты возникновения в памяти испытуемых одних и тех же ассоциированных с ним вербальных единиц, в то время как второй – за счет разнообразия вербальных единиц, соотносимых с одним и тем же смыслом. Во втором случае обычно разнообразие достигается преимущественно за счет единичных (в меньшей степени за счет разных устойчивых) реакций. Так, в структуре АП «русский» (см. табл. 1) в эпоху перестройки произошло существенное снижение по отношению к данным САНРЯ интенсивности разработки АП (более чем на 20 %), что сопровождалось увеличением показателей экстенсивности на 14 %, при этом в два раза увеличивается удельный вес единичных реакций. Это можно рассматривать как показатель рашатывания прежде более устойчивого образа (автостереотипа) «русский», его трансформацию (как минимум дестабилизацию) на исходе советского периода при переходе к новому формату цивилизационного воплощения. Вместе с тем в региональных словарях нового времени наблюдается обратная картина – интенсивность разработки АП «русский» возрастает на 20–24 %, что приближает его к эпохе САНРЯ, а экстенсивность разработки снижается с соответствующим снижением (практически в два раза) удельного веса единичных реакций. Нетрудно заметить, что в АП «советский» наблюдается иная ситуация. В нем, наоборот, происходит резкое увеличение общей наполняемости поля в перестроечном РАС по отношению к САНРЯ, в новейших словарях наполнение АП несколько сокращается, однако в его общей структуре наблюдаются незначительные флуктуации при переходе от одной эпохи к другой. При этом показатели ЕВРАС в большей мере приближены к РАС, а СИБАС – к САНРЯ. Мы не располагаем данными об АП «российский» в САНРЯ, что само по себе указывает на несопоставимо меньшую актуальность этого маркера в советское время, однако сравнение перестроечного РАС с материалами современных региональных словарей показывает повышение интенсивности разработки АП «российский» примерно на 10–15 % со снижением экстенсивности на 11–14 %. Можно с осторожностью предположить, что такие флуктуации связаны с некоторым укреплением и укоренением этого маркера.

Для более детального анализа динамики смысловых акцентуаций необходимо приступить к следующему этапу, который заключается в **выявлении смысловых зон внутри АП** в соответствии с задачами исследования (направлением поиска, что именно интересует исследователя в наличном материале). Содержательный анализ рассматриваемых АП позволяет распределить входящие в них ассоциаты по сходным семантическим (смысловым) зонам и представить их состав и статистику (табл. 2, 3). Статистика повторяющихся реакций подается с подзаголовком «Ядро», при этом удельный вес каждой семантической зоны просчитывался в процентах от общего количества устойчивых реакций; статистика единичных реакций подается с подзаголовком «Периферия» (см. табл. 3). Удельный вес единичных реакций каждой зоны исчислялся в процентах от их общего количества в АП.

Формализация содержательной структуры АП через измерение удельного веса каждой смысловой зоны, как показано в табл. 2, дает исходный фактический материал, подлежащий интерпретации. Количественные данные позволяют определить вектор смысловых акцентуаций внутри каждого АП, а также оценить соотношение интенсивных и экстенсивных параметров в разработке содержания исследуемых образов. Психоглоссы интенсивности создают модель содержательного каркаса каждого АП в отдельности (см. табл. 3), стрелки внутри данной модели представляют вектор смысловых акцентуаций, показывающий порядок

Таблица 2

Статистика интенсивности семантических зон
 АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС
 (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии⁵)
 Statistics on the intensity of semantic zones of the associative fields
 «русский», «советский» and «российский» in SANRYA, RAS, SIBAS, EVRAS
 (as a percentage of the total number of reactions in the stable part and on the periphery)

Семантическая зона	САНРЯ	РАС	СИБАС	ЕВРАС
Зона 1. Номинации – объекты материально-производственной культуры, включая символику, внешние признаки и ритуалы (игры), а также природно-климатические явления и животные	АП «русский»			
	1,58	Нет	2,51	2,19
	<i>6,97</i>	<i>17</i>	<i>21,56</i>	<i>18,82</i>
	АП «советский»			
	5	46,62	12,76	14,45
	<i>16,66</i>	<i>26,82</i>	<i>31,4</i>	<i>25</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	67,6	65,13	64,69
	<i>Нет данных</i>	<i>13,79</i>	<i>30,69</i>	<i>33,75</i>
	Зона 2. Нематериальные объекты и абстрактные понятия, социальные институты и ценности (идеологемы)	АП «русский»		
27,51		48,52	66,49	70,32
<i>2,32</i>		<i>21,95</i>	<i>19,6</i>	<i>18,82</i>
АП «советский»				
5,61		9,86	7,97	10,72
<i>16,66</i>		<i>14,63</i>	<i>20,66</i>	<i>25,96</i>
АП «российский»				
Нет данных		21,12	12,21	11,18
<i>Нет данных</i>		<i>27,58</i>	<i>30,69</i>	<i>27,5</i>
Зона 3. Одушевленные номинации (люди и их роли)		АП «русский»		
	30,68	45,58	20,4	19,56
	<i>23,25</i>	<i>14,63</i>	<i>24,5</i>	<i>28,23</i>
	АП «советский»			
	49,43	46,11	20,74	24,47
	<i>14,58</i>	<i>21,13</i>	<i>15,7</i>	<i>23</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	7	8,65	11,84
	<i>Нет данных</i>	<i>17,24</i>	<i>16,83</i>	<i>21,25</i>
	Зона 4. Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы	АП «русский»		
31,74		5,88	8	5,71
<i>27,9</i>		<i>17</i>	<i>12,74</i>	<i>16,47</i>
АП «советский»				

⁵ Данные по ядру каждой зоны показаны полужирным начертанием, периферии – курсивом.

Семантическая зона	САНРЯ	РАС	СИБАС	ЕВРАС
	18,53	8,34	5,31	3
	<i>10,41</i>	<i>10,56</i>	<i>4,95</i>	<i>3,84</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	4,22	9,92	8,55
	<i>Нет данных</i>	<i>17,24</i>	<i>8,91</i>	<i>7,5</i>
Зона 5. Локации (в пространстве и во времени)	АП «русский»			
	3,7	Нет	2	1,53
	<i>6,97</i>	<i>9,75</i>	<i>10,78</i>	<i>5,88</i>
	АП «советский»			
	12,35	14,99	45,74	42,89
	<i>4,16</i>	<i>5,69</i>	<i>14</i>	<i>12,5</i>
	АП «российский»			
	Нет данных	Нет	1,78	2,41
	<i>Нет данных</i>	<i>20,68</i>	<i>5,94</i>	<i>5</i>
	Зона 6. Эксплика- ция смысла «ка- кой»: качества рус- скости (советскости, российскости), от- ношение к ним	АП «русский»		
4,76		Нет	1	0,65
<i>34,88</i>		<i>17</i>	<i>11,76</i>	<i>12,94</i>
АП «советский»				
8,98		4,93	7,44	4,42
<i>33,33</i>		<i>22,76</i>	<i>15,7</i>	<i>10,57</i>
АП «российский»				
Нет данных		Нет	1,78	1,31
<i>Нет данных</i>	<i>1,4</i>	<i>9,9</i>	<i>7,5</i>	

снижения интенсивности смысловых зон по отношению друг к другу. Так, например, психоглоссы интенсивности в устойчивой части АП (ядре) «русский» свидетельствуют о наибольшей интенсивности зон 4, 3 и 2 в САНРЯ (зона 4 → 3 → 2). Зона 4 составлена из ассоциатов, представляющих этнонимы и маркеры идентификационной матрицы (например: *казах; немец; еврей; свой; родной* и пр.)⁶. Зона 3 включает одушевленные номинации (люди и их роли) (например: *человек; народ; Иван; солдат* и пр.). Зона 2 – нематериальные сущности, абстрактные понятия, социальные институты, ценности, идеологемы (например: *язык; национальность; характер; наука* и пр.). Лидирующие по интенсивности четвертая и третья зоны получают дополнительное существенное подкрепление через периферию (еди-

⁶ Здесь и далее примеры вербальных реакций подаются в тексте курсивом, при этом реакции отделяются друг от друга точкой с запятой (в соответствии с практикой, установленной нами в СИБАС). При наличии двусловной реакции оба слова отделяются запятой, а вся двусловная реакция отделяется от других точкой с запятой. Написание слова-стимула в данной статье приводится в кавычках (например: «русский», но: *свой; свой, родной*). В ряде случаев сохраняется аутентичный вариант реакции, который может отклоняться от нормативной леммы. Например: *великоросский*.

ничные реакции). В целом при таком распределении смысловых предпочтений автостереотип «русский» по данным САНРЯ производит впечатление устойчивого.

Таблица 3

Психоглоссы интенсивности в ядре и на периферии⁷
 АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС
 Intensity psychoglosses in the stable part and on the periphery
 of the associative fields «русский», «советский» and «российский»
 in SANRYA, RAS, SIBAS, and EVRAS

Ассоциативное поле	САНРЯ	РАС	СИБАС	ЕВРАС
Ядро				
«Русский»	Зона 4 → зона 3 → зона 2 → зона 6 → зона 5 → зона 1	Зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 6 = зона 1 = зона 5 = 0 ⁸	Зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 1 → зона 5 → зона 6	Зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 1 → зона 5 → зона 6
«Советский»	Зона 3 → зона 4 → зона 5 → зона 6 → зона 2 → зона 1	Зона 1 → зона 3 → зона 5 → зона 2 → зона 4 → зона 6	Зона 5 → зона 3 → зона 1 → зона 2 → зона 6 → зона 4	Зона 5 → зона 3 → зона 1 → зона 2 → зона 6 → зона 4
«Российский»	Нет данных	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 5 = зона 6 = 0	Зона 1 → зона 2 → зона 4 → зона 3 → зона 5 = зона 6	Зона 1 → зона 3 → зона 2 → зона 4 → зона 5 → зона 6
Периферия				
«Русский»	Зона 6 → зона 4 → зона 3 → зона 1 = зона 5 → зона 2	Зона 2 → зона 1 = зона 4 = зона 6 → зона 3 → зона 5	Зона 3 → зона 1 → зона 2 → зона 4 → зона 6 → зона 5	Зона 3 → зона 1 = зона 2 → зона 4 → зона 6 → зона 5
«Советский»	Зона 6 → зона 1 = зона 2 → зона 3 → зона 4 → зона 5	Зона 1 → зона 6 → зона 3 → зона 2 → зона 4 → зона 5	Зона 1 → зона 2 → зона 3 = зона 6 → зона 5 → зона 4	Зона 2 → зона 1 → зона 3 → зона 5 → зона 6 → зона 4
«Российский»	Нет данных	Зона 2 → зона 5 → зона 3 = зона 4 → зона 1 → зона 6	Зона 1 = зона 2 → зона 3 → зона 6 → зона 4 → зона 5	Зона 1 → зона 2 → зона 3 → зона 4 = зона 6 → зона 5

⁷ Полужирным шрифтом показаны зоны с интенсивностью свыше 30 %, полужирным курсивом – свыше 20 %, курсивом – свыше 10 %.

⁸ Знак равенства между зонами указывает на совпадение их количественных данных; «0» показывает нулевую интенсивность отмеченных зон, соответственно зоны 1, 5 и 6 в ядре АП «русский», по данным РАС, имеют нулевую интенсивность.

Ассоциаты негативно-оценочного плана (отдельной строкой в таблице не приводятся) актуализуются настолько слабо и в такой мягкой форме, что ими можно пренебречь. Например, даже в оценочной по сути периферийной зоне 6 всего один ассоциат *неприятный* на фоне абсолютного большинства позитивных: *великий; любимый; хороший; великодушный; настоящий; светлый; открытый* и др. Это также можно рассматривать как признак устойчивости позитивного автостереотипа «русский» в 70-е гг. прошлого века. Совсем иную картину находим в перестроечный период (РАС) и в наше время (СИБАС и ЕВРАС). Здесь основной каркас образа «русский» также опознается на основе зон 4, 3 и 2, только иерархия их актуализации строится в обратном порядке (зона 2 → 3 → 4). Такой порядок вряд ли можно назвать случайным, поскольку именно на смысловую структуру зоны 2 в этот период времени были направлены сознательные и неосознанные усилия по ее разрушению и обновлению. Неслучайно ее содержание сильно изменилось за несколько десятилетий. Так, в региональных базах XXI в. фиксируется многократное усиление устойчивости связи образа «русский» с образом «(родной) язык», фактически этнизация языка по отношению к более ранним данным эпохи перестройки и доперестроечного времени. Что же касается зон 3 и 4, в них произошла существенная содержательная трансформация, начиная с РАС. В РАС начинается заметная интенсификация негативной оценочности за счет ее внедрения в наиболее интенсивные зоны 3 и 4. Примечательно, что негативные смыслы в этот период имеют направленность преимущественно на себя, а не на другие этносы (*дурак; мешочник; совок* и пр.). В региональных новейших источниках негативные смыслы представлены более равномерно в разных смысловых зонах, но их общий удельный вес невысок, а направленность такого ассоциирования осуществляется как на образ себя (своего народа), так и на другие этносы (*свинья; чурка* и др.). Характерным признаком новейших баз является тенденция к разнорегистровой, преимущественно экстенсивной разработке негативно-оценочных единиц с уклоном в резкость, вульгарность и брутальность оценок. Вместе с тем общий смысловой анализ оценочных единиц АП «русский» не дает оснований для заключений о негативном автостереотипе «русских», по крайней мере в вербализованном каркасе структурирующих его смысловых узлов. Более того, несмотря на явную перестройку автостереотипа, образ «русский» сохраняет свою преимущественно (подавляюще) позитивную акцентуацию.

Смысловая структура АП «советский», как видно из таблицы 2, отличается неустойчивостью во времени, в большей мере отражающей противоречия идентификации на суперэтническом (цивилизационном) уровне. Вместе с тем в СИБАС и ЕВРАС наблюдается практически полное совпадение иерархии смысловых зон внутри этого АП с небольшим отличием по интенсивности в ядре зоны 2. Колебания в интенсивности, характерные для расшатанности автостереотипа, как результат непреодоленной со времен перестройки смыслоутратности, очевидны в психоглоссах на периферии АП «советский» в СИБАС и ЕВРАС.

Психоглоссы САНРЯ свидетельствуют об относительной устойчивости автостереотипа, поскольку на первом месте в ядре АП «советский» оказываются зоны ролевой и идентификационной матрицы (зона 3, например: *человек; народ; гражданин; патриот; ученый; инженер; интеллигент; коммунист; летчик* и др.; зона 4: *наш; антисоветский; иностранный; родной; отечественный; русский* и др.); далее следуют «локации» и «качественно-оценочные смыслы» (позитивные в своей основе). Институционально-ценностные, идеологические и символично-потребительские материальные смысловые акцентуации периферийны в САНРЯ (зоны 2 и 1), а составляющие их единицы преимущественно специфичны для того периода советской эпохи (*паспорт; корабль; автобус; теплоход; лозунг; закон; патриотизм; власть; вуз; государство; отечество; революция; свобода* и др.). АП «советский» в САНРЯ актуализирует целостный и непротиворечивый образ.

Негатив практически отсутствует, в устойчивой части идентификационной зоны это одна ассоциация – *антисоветский*. Ее смысловая направленность внеэтнического характера, фиксирующая оппозицию межцивилизационного формата и имплицитирующая таким образом целостность советского мира.

В РАС автостереотип «советский» со стороны смысловой структуры в целом выглядит совсем иным, чем в 70-е гг. Психоглоссы интенсивности смысловых зон отражают направление этих перемен. На первом месте оказывается материально-потребительская и символическая часть (зона 1), далее идут маркеры социальных ролей (зона 3) со смысловыми сдвигами, характерными для перестройки (*человек; гражданин; народ; писатель; воин; ученый; патриот; солдат; настоящий человек*, но и: *бюрократ; диссидент; дурак; идиот; неудачник*). За третьей зоной следует зона локаций и только потом перестраивающаяся матрица идентификации с вкраплениями рефлексивно-отчужденной оценочности, особенно усилившейся в зоне 6. Последняя при этом актуализируется за счет периферии, что обычно характерно для еще не укоренившихся в массовом сознании, постепенно обновляющих АП или исчезающих из него смыслов (*красный; социалистический; плохой; партийный; простой; бедный; бывший; ветреный; дурацкий; злой; значит отличный; импортный; исторический; недоделанный; некачественный; ограниченный; плохо; сталинский; старый; трудно; убогий* и др.). Наибольшую устойчивость во времени показывает зона 3, которая может служить объединяющей разные поколения смысловой основой для укрепления цивилизационной идентичности в процессе социальной детерминации. Учитывая данный фактор, стоит остановиться подробнее на этой зоне и вывести внутри нее психоглоссы диахронного плана. Во все периоды наблюдается устойчивое ассоциирование в самой интенсивной части зоны 3 с *человек; народ; гражданин; ученый*. Иерархия интенсивности в этой части (в САНРЯ она перекрывает все ядро АП) имеет минимальные флуктуации. САНРЯ: *человек* → *народ* → *гражданин* → *патриот* → *ученый*. В РАС: *человек* → *гражданин* → *народ* → *ученый* → *патриот*. В СИБАС и ЕВРАС *патриот* уходит из АП. СИБАС: *человек* → *народ* → *ученый* → *гражданин*; ЕВРАС: *человек* → *гражданин* → *ученый* → *народ*. Эти психоглоссы внутри зоны 3 показывают просвещенческую ориентацию социокультурной и гражданской ролевой идентификации советского человека. Между тем если сопоставлять АП «советский» целиком, а не только зону 3, то первой ассоциацией в САНРЯ и РАС выступает *человек*, второй – с двух-трехкратным отставанием *Союз*; в то время как в СИБАС и ЕВРАС на первое место выходит *Союз* и только потом с многократным отставанием *человек*. Здесь мы имеем дело со снижением актуальности советского проекта человека по мере увеличения временной дистанции. В ядро зоны 3 в СИБАС и ЕВРАС проникают персоналии *Ленин* и *Сталин*, другие вербальные единицы в устойчивой части зоны 3 разнородны по своему составу в разные периоды времени. В САНРЯ зона 3 не содержит негатива. В зоне 3 АП РАС, как мы уже видели, находит отражение смыслоутратность эпохи, на периферию внедряются негативно-оценочные *дурак; идиот; диссидент; неудачник* и даже *фашист*. Последний, вероятно, мог в тот период получить двойную трактовку: как оппозит к *советский* и как навеянный антисоветской пропагандой в СМИ его «синоним». Общая интенсивность негатива в зоне 3 по отношению к общему количеству представляющих ее ассоциатов невелика (не добирает и до 3 %), однако ее экстенсивность (разнообразие выражения) приближается к 19 %, поскольку все негативные ассоциаты актуализируются только на периферии зоны 3. Кроме негативных ассоциаций среди единичных, в РАС встречаются и позитивно-оценочные единицы, они высвечивают акценты на советском человеке как *простом* и *настоящем*, что противостоит негативной оценочности; выявляются и иные оппозиты типа: *шпион* – *разведчик*. В РАС, СИБАС и ЕВРАС акцентируется *писатель* при сохранении на периферии *поэт*, вместе

с тем в региональных базах *поэт* уже не отмечен вовсе. В РАС военные (и силовые) роли вошли в ядро: *воин* → *солдат* → *милиционер*. В СИБАС их интенсивность уменьшается, они практически ушли на периферию. В ЕВРАС же, сохраняя некоторую интенсивность в ядре (*солдат* → *воин*), они получают более внятную разработку на периферии: *десантник*; *офицер*; *партизан*; *полковник*. Ассоциаты *старик* и *дед* в региональных базах показывают активизацию временной удаленности от *советского*. Общий оценочный фон в СИБАС и ЕВРАС позитивен, негативно-оценочные ассоциаты только периферийны, их доля мизерна (от 2 % в СИБАС до величин, не дотягивающих до 1 %, в ЕВРАС). Таким образом, часть АП «советский», реализованная в зоне 3, показывает относительно устойчивую нейтрально-позитивную основу цивилизационной идентичности, которая может противостоять антисоветской (антирусской) истерии.

Непреодоленные противоречия смыслоустратности показали свою устойчивость в части смысловых зон АП «советский» на фоне его структурно-содержательной перестройки в региональных базах СИБАС и ЕВРАС. По смысловой направленности негативно-оценочные акцентуации в СИБАС и ЕВРАС нанизываются на рефлексивно-отчужденный на основе удаленности во времени модус, появление которого неизбежно в связи с отсутствием у молодого поколения XXI в. опыта проживания в советской реальности (например: *старый*; *древний*; *неразвитый*; *несовременный*; *устаревший*; *старый*, *глупый*; *период* – *отстой*; *старое*; *старье*; *прошлое*; *даль*; *было*; *доисторический*; *былое время*; *устарел*). Отстраненность во времени в привязке к позитивной или негативной оценочности и без нее особенно ярко проявляется в зоне 5. Образ, представленный ею в СИБАС и ЕВРАС, показывает, что советская реальность прочно переместилась в прошлое и локализуется там; в ядре зоны находим ассоциацию *период*, фиксирующую *советский* на оси времени как конечную сущность. Ср. также: *было*; *прошел*; *прошлое*; *прошлый*; *старый*; *старье* и пр. (СИБАС). В ЕВРАС находим даже *древний*; *доисторический* и др.

Показательна динамика смысловых акцентуаций в зоне 4, содержащей именно маркеры идентификационной матрицы и этнонимы. В САНРЯ в ней просматривается основная оппозиция цивилизационного плана: *советский* – *антисоветский*. *Антисоветский* – маркер цивилизационного противостояния, как внутренней оппозиции (свои антисоветчики), так и внешней, он не маркирован узкоэтнично, он наднационален. Есть и более узкая трактовка этой оппозиции: *советский* (*отечественный*; *свой*; *родной*) – *зарубежный* (*иностраннный*; *иностранец*). *Советский* специфично противопоставляет себя на суперэтническом уровне *американскому* и *французскому*, *советский* иногда может сужаться до *русский*, но это не так актуально в САНРЯ. Первая по устойчивости ассоциация – *наш*.

В РАС сильно меняется состав зоны 4, она ярко отражает смыслоустратность, в ней еще сохраняет свою интенсивность *наш*, и даже несколько усиливается, однако *русский* выходит по интенсивности в самые первые ряды в ядре, еще и подкрепляется за счет единичных реакций, причем в связке с *наш*. *Родной* сохраняет свои позиции в ядре, туда же проникает *свой*, а вот *отечественный* реализуется в единичном формате. Активизация матрицы *свой-чужой*, таким образом, проходит уже с модификацией суперэтнических акцентов и интенсификацией этничности *русский* (который, вероятно, может трактоваться и широко – как суперэтнический маркер). В ядерной части зоны можно выделить оппозицию *советский* (*русский*) – *американский* (*иностраннный*); *антисоветский* как внеэтнический маркер с активизацией русскости уходит на периферию, где появляется новый единичный идентификатор *российский*. Обращает на себя внимание единичная реакция *постсоветский*, ее можно трактовать как актуализатор рефлексивно-отчужденного модуса оценочности с включением оси времени (имплицитующей относительность ценностного фактора). Рефлексивно-отчужденный модус до-

вольно устойчиво сохраняет и совмещенность с акцентуацией негативно-оценочного типа как в ядре, так и на периферии во все периоды, начиная с перестройки (РАС, СИБАС, ЕВРАС): *совковый; чей; ничей; чужой; совок; савок*. СИБАС и ЕВРАС наследуют часть смыслов из прежнего времени, при этом они меняют свою актуальность и иерархию внутренней организации в зоне 4. Так, на первое место выходит в обеих базах *русский*, т. е. имеет место замещение суперэтнического понимания *советский* этническим *русский*. *Наш; отечественный; родной* сохраняются в обеих базах, но тяготеют к периферии, ослабив свою интенсивность, правда еще сохранив экстенсивные параметры на периферии (как в СИБАС). В ядре появляется новый суперэтнический идентификатор – *российский*. При этом он показывает большую актуальность в СИБАС, в ЕВРАС более актуален *русский*. Характерна единичная ассоциация в СИБАС: *предроссийский*, которая фиксирует с одной стороны отчуждение во времени, с другой – цивилизационную преемственность. Оппозиция *советский – иностранный* теряет свою актуальность, в СИБАС в зоне 4 она не возникает, в ЕВРАС единично актуализуется на периферии: *советский – американский*. *Антисоветский* не возникает совсем.

В рамках данной статьи мы не имеем возможности подробно рассмотреть психоглоссы экстенсивности разработки смыслов в исследуемых АП, однако следует заметить применительно к АП «советский», что поскольку экстенсивность связана прежде всего с количеством разных реакций, которых обычно бывает больше на периферии, то в АП «советский» в связи с его серьезной структурно-содержательной перестройкой во времени наблюдаются флуктуации экстенсивности как количественного, так и качественно-содержательного плана. В РАС, СИБАС и ЕВРАС со становлением общества потребления и повышением мобильности населения на первое место по разработанности (как в интенсивном, так и в экстенсивном плане) прочно выходит зона 1. В целом образ «советский» во всех рассмотренных здесь источниках нельзя отнести к негативному автостереотипу. Он имеет доминантную нейтрально-позитивно-оценочную акцентуацию.

Рассмотрим АП «российский». Обращает на себя внимание крайне неравномерная интенсивность смысловых зон в его ядре. Исключительные позиции (свыше 60 %) во все периоды времени занимает зона 1 с ее материально-производственными, символическими и потребительскими ориентирами. В СИБАС и ЕВРАС АП «российский» наполнено в несколько раз большим количеством ассоциаций, чем в РАС. В новейших базах оно наполняется содержанием, которое отражает новый опыт молодого поколения, рожденного не в СССР. Зона 1 во всех источниках самая интенсивная, поскольку она содержит наиболее частотные ассоциации в АП «российский». Обращает на себя внимание тот факт, что АП «российский» акцентуировано в большей мере, чем «советский» и «русский», опытом, основанным на материально-производственной и потребительской сторонах жизни. Здесь сказывается «рыночный» формат новых организационных доминант, который был задан новорусской правящей элитой в перестройку. Все три источника содержат в качестве самых интенсивных (частотных) ассоциаты с государственной символикой – *флагом, гимном и гербом* России; в СИБАС и ЕВРАС эти смыслы усилены дополнительными акцентуациями за счет периферии: *бело-сине-красный; язык, флаг; флаг, президент* и др. В РАС, кроме ассоциатов с государственной символикой, находим ассоциацию *сыр* с пищевым продуктом под маркой «Российский», которая оказалось очень устойчива; она многократно укрепила свои позиции в СИБАС и ЕВРАС, уступая только ассоциату *паспорт*, второй по частоте реакции в зоне 1 СИБАС и ЕВРАС в связи с мобильностью населения и сопряженной с ней сменой гражданства в перестроечное время. В отличие от РАС, где единичные реакции содержат акценты на средствах

передачи информации, что было особо актуально в перестройку, в новых базах периферия очень хорошо разработана и наполнена разнообразными ассоциатами-номинациями товаров из разных сфер потребления, включая так называемую индустрию развлечений. В ядре зоны 1 в обеих региональных базах находим *шоколад; рубль; автомобиль* и др.; интенсивно заявившие о себе ассоциации с автомобилизацией усилены и за счет периферии. При столь существенном сходстве направленности общих акцентуаций зоны 1 в СИБАС и ЕВРАС, они существенно отличаются конкретикой единичных вербальных реакций в каждом из этих источников.

В РАС зона 2 разработана слабо (всего 23 реакции), ее ядро наполнено единицами (*парламент; банк; съезд; университет*), характерными для эпохи перестройки с повышенным вниманием людей к могущим иметь далеко идущие последствия действиям народных депутатов, *банков* и *бирж*. Российский *университет* актуализируется под влиянием сферы деятельности испытуемых, а также в связи с возрастающей модой обучения детей за границами России, оппозиция *российский – зарубежный университет* прочно входит в сознание. В СИБАС и в ЕВРАС *университет* укрепляет свои позиции. В РАС появляется единичная реакция к «российский» – *язык*, что не характерно для советского времени, поскольку сам термин *российский* относится к суперэтническим идентификаторам, его ассоциирование с *язык* говорит о том, что начинает осознаваться языковое единство российскости. В СИБАС и в ЕВРАС *язык* уже прочно входит в ядро зоны 2, претендуя на первые позиции в ней. Вместе с расширением наполнения зоны 2 более чем в два раза в новых региональных источниках, в ядро входят такие устойчивые ассоциаты, которые маркируют новый опыт российской государственности и гражданства: *менталитет; закон; рынок; кодекс* и др. Экстенсивно разрабатывается периферия (и с заметной спецификой в каждом источнике – СИБАС и ЕВРАС). В обеих базах упоминаются некоторые особо популярные сферы культуры, государственной деятельности, социальные институты и отдельные виды социально значимых мероприятий: *театр; спорт; фонд; комитет; чемпионат; орган; федерация* и др. Фиксируются идеологемы и номинации чувств: *гордость; уважение; патриотизм* и др. Негатив на фоне общего количества реакций в зоне 2 выражен довольно слабо, в СИБАС ярче, чем в ЕВРАС. Негативные единицы в этих базах разные, что можно также рассматривать, наряду с другими показателями, как содержательную несформированность негативно-оценочных акцентов, один из знаков неустойчивости автостереотипа «российский» в целом, а зоны 2 в особенности.

В зоне 3 РАС актуализируется несколько ассоциатов, которые со временем сохраняют и (или) повышают свою актуальность в СИБАС и ЕВРАС. Это: *президент* (ядро РАС, с укреплением позиций в ядре региональных баз), *народ* (периферия в РАС, существенное усиление с перемещением в устойчивую часть ядра в региональных базах, что может свидетельствовать о тенденции к укреплению осознания коллективной солидарности), *мужик* и *дипломат* как единичные реакции во всех источниках. Специфичные только для РАС – *пролетариат* и *дворянин* не фиксируются в материалах XXI в. В них, кроме повышения устойчивости и проникновения в самые первые ряды ассоциатов *президент; народ; человек*, в качестве самой устойчивой реакции фиксируется *гражданин*. Само по себе наличие этих четырех ассоциатов в СИБАС и ЕВРАС в качестве наиболее интенсивной части ядра рассматриваемой зоны дает хоть и несколько шаткую (подвижную и рыхлую по частотным показателям при сравнении разных региональных вариантов), но все-таки уже актуализировавшуюся в зоне 3 акцентуацию гражданской и цивилизационной идентификации. Общее наполнение конкретными (разными) единицами зоны 3 в СИБАС и ЕВРАС во всех остальных аспектах существенно отличается. Акценты в разных регионах делаются на разных ролях,

при этом единицы более общего характера, такие как *человек; гражданин; мужик* и им подобные, почти всегда совпадают; более специфичные, обычно профессиональные (*юрист; знаменосец; корреспондент* и т. п.), чаще различаются в этих базах; в каждом из регионов своя группа таких единиц. Негативно-оценочных реакций в зоне 3 РАС и СИБАС нет вообще, а в ЕВРАС есть всего одна единичная реакция – *нищий*. Таким образом, зона 3 создает позитивно и нейтрально оценочную акцентуацию социальных ролей, ассоциирующихся с российскостью.

Специфически направленная на идентификационную матрицу образов зона 4 имеет слабое наполнение, особенно в РАС. В перестроечное время, по данным РАС, *российский* ассоциируется с *русский* в слабоинтенсивной зоне ядра АП, а также с *великоросский, родное* и *отечественный* на периферии. Эти ассоциаты с учетом их частотных показателей фиксируют промежуточную направленность, неустойчивость и содержательную слабость в разработке идентифицирующего понятия «российский». В СИБАС и ЕВРАС ядро зоны 4 заметно разрабатывается, что отражает идентификационную матрицу нового поколения русских. В ядре появляются и на периферии усиливаются маркеры оппозиции *свой – чужой (наш; свой; мой)*. «Российский» устойчиво распознается как *родной* и *отечественный*, как *русский* и *национальный*. В обеих базах появляется ассоциат *гражданство*, в ЕВРАС он уже входит в ядро. Среди единичных реакций, а в ЕВРАС и в слабоинтенсивной части ядра находим ассоциаты суперэтнического (цивилизационного) порядка: *советский; иностранный* в СИБАС и *зарубежный; межнациональный* в ЕВРАС. Имеются и более специфичные единицы – номинанты иноэтничности – *японский; английский; немецкий; казах*. Последние могут быть связаны в обыденном языковом сознании как с широкой (при оппозиции *российского* расширенной трактовке английскости через общий для всех англоязычных мини-империй язык), так и с узкой трактовкой оппозиита «российский» как этнический *русский*. Оценка удельного веса самой зоны 4 и отдельных ее компонентов в составе АП как целого свидетельствует о содержательно-смысловой незавершенности и недостаточной устойчивости процесса гражданской и цивилизационной идентификации в масштабах российского мира.

Крайне слабо наполненная во все периоды времени зона 5 в РАС активизируется только через единичные реакции, в ней абсолютно доминирует довольно узкий локальный масштаб смыслов, среди ассоциатов со страной можно отметить *родина*, который актуализирует как узколокальный (место, где родился) так и широкий смысл (родная страна). Ассоциирование с *родиной* и страной – *Россией* выходит на первый план только в региональных базах XXI в., получая дополнительную интенсификацию на периферии. Идентификация российского в глобальном контексте не сформирована в зоне 5, только в ЕВРАС находим единичную реакцию *мир*.

Самая смутная по проявленности смыслов зона 6. В РАС она практически отсутствует, так как здесь фиксируется всего одна, специфичная для РАС ассоциация *гордый*. В СИБАС и ЕВРАС зона получает разную разработку, что свидетельствует о ее неустойчивости и неоформленности в содержательном плане. Она включает в себя оппозиции, фиксирующие противоположные смыслы: *великий – убогий; лучший – плохой* и др. Зона 6 крайне слабо разработана во всех источниках по сравнению с другими зонами, но насыщена периферийным негативом в СИБАС и ЕВРАС, причем состав негативно-оценочных единиц в обеих региональных базах также разный. Совпадает только одна – *некачественный*. Встречаются негативные единицы разных (включая табу) регистров, фиксирующие как эмоциональную оценку (*гавно*), так и более внятную диагностическую (*не имеющих определенных очертаний*).

Подводя итоги нашим наблюдениям, можно интерпретировать выявленные психоглоссы как маркеры несформированности содержательно-смысловых доми-

нант идентификатора «российский» вне материальной сферы (да и в ней-то доминирует формальная символика среди наиболее интенсивных смысловых акцентов). Особенно характерна такая содержательно-смысловая промежуточность и неоформленность для образа «российский» в РАС. В более поздних источниках некоторое относительное усиление интенсивности показывающих ролевую и этнокультурную идентификационную матрицу акцентуаций зон 3 и 4 свидетельствует о процессе укрепления (пока еще очень слабого) гражданской и социокультурной значимости идентификатора «российский», его экстенсивные показатели также свидетельствуют о слабости идентифицирующих акцентуаций. Несформированность содержания идентификатора «российский» ярко проявляется в РАС в зонах 5 и 6 как в ядре, так и на периферии, СИБАС и ЕВРАС демонстрируют некую разнородную явленность смыслов в этих зонах при сохранении существенных различий как по регионам, так и по смысловым акцентам, унаследовавшим противоречия смыслоустратного состояния смутного времени. Во все периоды времени образ «российский» предстает как позитивно-нейтральный, в РАС негатива практически нет, поскольку еще нечего оценивать, недостаточен опыт автономной российской идентичности, не сформированы ее новые содержательно-смысловые акценты, в это время идет активная переоценка советского опыта и соответствующая перестройка автостереотипа «русский». Очевидно, что гражданская и социокультурная (цивилизационная) идентификация в российском воплощении нуждаются в социальной детерминации. События российской жизни после 2014 г., несомненно, должны были наложить свой отпечаток на ассоциативно-вербальную сеть. Новые экспериментальные данные, которые мы надеемся представить в ближайшие годы⁹, очевидно (как показал анализ уже имеющихся материалов) дадут возможность оценить характер идущих изменений.

Возвратимся к приведенному нами рабочему определению психоглоссы как обладающего признаками доминантности смыслового образования, которое поэтому имеет вектор направленности, он выявляется на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей (на уровне АП это сопоставление частотных показателей ассоциатов). Исходя из данного определения и опыта применения его к конкретному материалу, при анализе отдельно взятого АП исследователь может вывести психоглоссы как внутри поля, так и внутри его отдельных семантических зон. Если же проводится сравнительный анализ АП в нескольких диахронически разнесенных во времени источниках, то выявляются психоглоссы, показывающие векторы смысловых акцентуаций между различными состояниями во времени одного и того же АП. Фактически это векторы смыслообразования, превращения содержания одного образа, вербализованного в теле языкового знака. Постепенно он может переродиться в трансформированный, но подобный себе или преобразиться до неузнаваемости; теоретически этому процессу может соответствовать частичное или полное изменение того, что в толковых словарях носит название лексического значения соответствующего слова. Так проявляет себя смысловая эмерджентность (подробнее о термине см. [Шапошникова, 2017, с. 138]) (появление, воплощение и перевоплощение смыслов через постепенную трансформацию) в пределах ассоциативно-вербальной сети. Если исследователь выводит вектор направленности внутри одной из зон АП, это будет психоглосса в рамках одной семантической зоны. Вектор смысловых акцентуаций между несколькими зонами внутри АП – это психоглосса более высокого порядка. Сравнение (с учетом интенсивности и экстенсивности) смысловых акцентуаций между разными во времени состояниями АП одного и того же слова (разны-

---

⁹ Речь идет о втором этапе эксперимента по наращиванию ассоциативно-вербальных сетей СИБАС и ЕВРАС данными 2014–2018 гг. См. интерфейс «Эксперименты» на сайте СИБАС. URL: <http://adictru.nsu.ru/experiment>

ми воплощениями стоящего за ним образа), дает диахронические психоглоссы, которые позволяют наблюдать за смысловой акцентуацией образа у языковой личности при смене поколений, выявлять вектор трансформации этого «участка, фрагмента» языковой (когнитивной) модели мира у коллектива носителей языка.

Важно помнить, что вектороорганизатором смысловых акцентуаций является языковая личность с соответствующими смысловыми доминантами, где особенности психической организации человека (как вида) выступают в качестве системообразующего фактора. Таким образом, концепция языковой личности с одной стороны, поверяется новыми эмпирическими данными, с другой, будучи приложенной к ним, – дает основу для получения новых знаний не только о вербально-грамматическом ее профиле, но и об идентификационных процессах. Постоянное пополнение ассоциативно-вербальных данных из десятилетия в десятилетие открывает перспективу синхронно-диахронного выявления многоуровневых смысловых акцентуаций, в том числе на всем массиве ассоциатов (макроуровень анализа) с последующей фиксацией и интерпретацией превращения психоглоссы в хроноглоссы разных видов, включая и вербально-грамматические. В последнем случае можно вести речь о единицах анализа в диахронической ассоциативной типологии языка, эмерджентности типов в языке.

Применительно к содержательной стороне выявившихся в нашем исследовании психоглоссы необходимо отметить, что наши данные сходятся по ряду позиций с заключениями этносоциологов, полученными в тот же период времени, но другими методами и на ином эмпирическом материале [Хопёрская, 2011; Шабаев, 2011; Этническая и этнополитическая карта Крыма, 2017]. Нам представляется, что общая обеспокоенность ученых различных направлений может быть описана как опасность цивилизационного развоплощения русских при отсутствии должной гражданской солидарности на фоне роста этнизации социальных практик в разных сферах жизнедеятельности. Этнизация как фактор риска проявляет себя в обратной зависимости ее актуализации (в нашем случае применительно к языку) по отношению к гражданской (цивилизационной) идентификации, особенно когда этничность принимает форму агрессивно-конфликтной. Это явление в ряде случаев трактуется как «политически мобилизованная этничность», когда этническая и конфессиональная идентичность выносятся на первое место, превышая гражданскую и цивилизационную [Шабаев, 2011, с. 79]. Другие риски цивилизационного развоплощения русских, как показывает опыт 90-х гг., исходят от этнополитических концепций (о термине см. [Хопёрская, 2011, с. 49], применительно к языковой политике в нашем контексте [Шапошникова, 2018, с. 180]) геополитического конкурента при сужении сознания до якобы оправданного рыночными стихиями потребительски-гедонистического абсурда как полного пренебрежения высшими потребностями человека, приводящего к очень быстрой утрате цивилизационного духа в межпоколенном плане. Ассоциативно-вербальные маркеры идентификационной динамики смыслового поля русской языковой личности, как показали первые итоги обработки диахронного материала, отражают межпоколенные флуктуации, поэтому могут использоваться наряду с другими гуманитарными подходами для взаимной верификации данных. Смена языковой политики в Крыму после его воссоединения с Россией показала, что деструктивные по отношению к гражданской солидарности процессы, вызванные прежними установками на этнизацию (украинизацию), особенно ярко проявляются у более молодых поколений крымчан¹⁰, поэтому не следует ожидать, что они будут преодолены

---

¹⁰ В ходе недавно проведенного Р. А. Старченко и В. В. Степановым исследования языковой ситуации и межэтнических отношений в Крыму был организован опрос в Симферополе, который выявил последствия жесткой политики языковой украинизации по отноше-

самим фактом установления адекватного языковой ситуации законодательства. Эти и другие данные показывают, что для прорыва в новое качество нужен гибкий ресурс мобилизации цивилизационного потенциала единения, нужна этнополитическая концепция российской цивилизации, основанная на этнокультурных доминантах российского мира в разных его воплощениях, на экономике нравственных решений, достижимых только при условии вложения россиянами своей идентичности в деятельность.

Список литературы

- Караулов Ю. Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность*. М., 1989. С. 3–8.
- Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010а. 328 с.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010б. 264 с.
- Новиков А. И.* Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 1248 с.
- Хопёрская Л. Л.* Аксиологический аспект анализа этнополитических конфликтов // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: Ежегод. докл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов* / Под. ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 46–57.
- Шабаетов Ю. П.* Этнический национализм и гражданская нация в современной России // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: Ежегодный докл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов* / Под. ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 70–85.
- Шапошникова И. В.* Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 4(34). С. 124–145.
- Шапошникова И. В.* К вопросу о языковой политике в научно-образовательной сфере // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 1(35). С. 173–191. URL: <http://iling-ran.ru/library/voprosy/35.pdf>
- Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Под. ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.

Список источников

- ЕВРАС – *Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 20.10.2017).

нию к гражданской солидарности крымчан в составе России. «Дефицит гражданских чувств у крымской молодежи компенсируется не только регионализмом, но и актуализацией этнической идентичности. Десятая часть молодежи говорила, что чувствует себя в первую очередь представителями отдельной национальности, тогда как в средних возрастах этот показатель ниже в полтора раза, а в старших возрастах ниже в три раза» [Этническая и этнополитическая карта Крыма, 2017, с. 119].

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. Т. 1. М., 1994; Т. 2. М., 1998. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 20.10.2017).

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / А. А. Леонтьев, А. П. Клименко, А. Е. Супрун и др.; Под ред. А. А. Леонтьева; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения 20.10.2017).

СИБАС – Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток): В 2 т. Т. 1: От стимула к реакции. М.: Моск. ин-т лингвистики, 2014. 537 с.; Т. 2: От реакции к стимулу. М.: Моск. ин-т лингвистики, 2015. 763 с.: URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения 22.11.2017).

I. V. Shaposhnikova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, i.shaposhnickowa@yandex.ru

Psychoglosses of the civilizational identity of Russian students (based on large-scale associative experiments)

On the basis of synchronous-diachronic approach, the paper proposes and substantiates specific methods of analysing the experimentally obtained associative-verbal data within the framework of a complex task of making a dynamic associative-verbal model for semantic accentuations of the Russian linguistic personality. Such a problem statement became possible with the accumulation of a sufficiently large and representative associative-verbal material within a few decades of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The author deals with the methods of analysis at the level of associative fields of individual language items (verbal stimuli), that is, at the micro level in the structural organisation of the associative-verbal network. Also, the author develops the conceptual and categorical basis necessary for the implementation of these techniques in order to identify more or less stable and regular semantic accentuations. The latter can be interpreted as motivational and pragmatic dominant vectors against the background of statistical computer processing of large amounts of associative-verbal data (macro level). Scientific and methodological issues are considered on the humanitarian material of the actual for the Russian society identification dynamics of young Russians within three generations. In particular, some psychoglosses marking the civilizational identity have been discovered via comparison of the associative fields «soviet», «russian», and «rossijsky (russian)». The author studies the semantic accentuations testifying to the orientation of the semantic dominants of the Russian language personality associated with the discussed verbal language items in chronologically successive periods. The data obtained can be interpreted in terms of interaction between the dimensions of ethnization of social and linguistic processes and the peculiarities of civil and civilizational (super ethnic socio-cultural) identification of Russians. The results of the author's observations converge with the data obtained in other interdisciplinary (ethnosociological, ethnopolitical, etc.) studies on other empirical material.

Keywords: psychoglosses, associative-verbal network, techniques and methods of analysis of experimental data, a dynamic model of the synchronous-diachronic analysis of the semantic accentuations of the Russian language personality, civilizational identity and ethnicity in the socio-linguistic processes.

DOI 10.17223/18137083/64/23

References

- Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma. Organizatsiya monitoringa i rannego preduprezhdeniya etnicheskikh i religioznykh konfliktov* [Ethnic and ethnopolitical map of the Crimea. Organization of the monitoring and early ethnic and religious conflict prevention]. V. Yu. Zorin, R. A. Starchenko, V. V. Stepanov (Eds). Moscow, IEA RAN, 2017, 216 p.
- Karauulov Yu. N. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Actual Grammar and the associative verbal net]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Inst. RAS, 1999, 180 p.
- Karauulov Yu. N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka. 2-e izd.* [The associative Russian grammar. 2nd ed.]. Moscow, LKI, 2010, 328 p.
- Karauulov Yu. N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya [Russian language personality and the issues of its studying]. In: *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow, 1989, pp. 3–8.
- Karauulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. 7-e izd.* [The Russian language and language personality. 7th ed.]. Moscow, LKI, 2010, 264 p.
- Khopyorskaya L. L. Aksiologicheskii aspekt analiza etnopoliticheskikh konfliktov [Axiological aspect of ethno-political conflicts analysis]. In: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 godu: Ezhegodnyy dokl. Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethno-political situation in Russia and neighbor countries in 2010: Annual report of the Network of ethnological monitoring and early conflict prevention]. V. A. Tishkov, V. V. Stepanov (Eds). Moscow, IEA RAN, 2011, pp. 46–57.
- Novikov A. I. *Tekst i ego smyslovyye dominanty* [A text with its semantic dominants]. N. V. Vasil'yeva, N. M. Nesterova, N. P. Peshkova (Eds). Moscow, The inst. of linguistics RAS, 2007, 224 p.
- Panarin A. S. *Pravoslavnyaya tsivilizatsiya* [The Orthodox civilization]. Moscow, Inst. rus. tsivilizatsii, 2014, 1248 p.
- Shabayev Yu. P. Etnicheskii natsionalizm i grazhdanskaya natsiya v sovremennoy Rossii [Ethnic nationalism and civil nation in Modern Russia] In: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 godu: Ezhegodnyy dokl. Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighbour countries in 2010: annual report of the Network of ethnological monitoring and early conflict prevention]. V. A. Tishkov, V. V. Stepanov (Eds). Moscow, IEA RAN, 2011, pp. 70–85.
- Shaposhnikova I. V. Motivatsionnaya baza reformy obrazovaniya i professional'naya identifikatsiya russkoy yazykovoy lichnosti [Motivational base of the reform in education and professional identification of the Russian language personality]. *Journal of Psycholinguistics*. 2017, no. 4(34), pp. 124–145.
- Shaposhnikova I. V. K voprosu o yazykovoy politike v nauchno-obrazovatel'noy sfere [Issue of language policy in science and education]. *Journal of Psycholinguistics*. 2018, no. 1(35), pp. 173–191. URL: <http://ilingran.ru/library/voprosy/35.pdf>

List of sources

- Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t.* [Russian associative dictionary: in 2 vols]. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, et al. (Comps). Vol. 1. Moscow, 1994; Vol. 2. Moscow, 1998. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 20.10.2017).
- Leont'yev A. A., Klimenko A. P., Suprun A. E. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [The dictionary of associative norms of the Russian language]. A. A. Leont'yev (Ed.). Pushkin State Russian Language Inst., Moscow, MSU, 1977, 192 p. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (accessed 20.10.2017).
- Shaposhnikova I. V., Romanenko A. A. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar' (Sibir' i Dal'niiy Vostok): V 2 t.* [Russian regional associative dictionary (Siberia and Far East): in 2 vols]. T. 1: Ot stimula k reaktzii [Vol. 1: From stimulus to response]. Moscow, Moskovskiy inst. lingvistiki, 2014, 537 p.; T. 2: Ot reaktzii k stimulu [Vol. 2: From response to stimulus]. Moscow, Moskovskiy inst. lingvistiki, 2015, 763 p. URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 22.11.2017).
- Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar'-tezaurus EVRAS* [Russian associative dictionary-thesaurus EVRAS]. URL: <http://ilingran.ru/main/publications/evras> (accessed 20.10.2017).